

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ДАНИЛЕНКО В. П.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРОЛОГИЯ В КОНЦЕПЦИИ В. МАТЕЗИУСА

Термин «характерология» употребляется в современной лингвистической литературе довольно широко, однако статус дисциплины, которую он обозначает, определяется многими исследователями по-разному. Ю. В. Рождественский, например, выразил сомнение в типологическом статусе лингвистической характерологии [1]. Дж. Буранов, напротив, склонен сближать ее с типологией языков [2]. Решению вопроса о научном статусе лингвистической характерологии может способствовать, на наш взгляд, изучение научного наследия известного чешского языковеда В. Матезиуса (1882—1945), которого Й. Вахек относил к числу основателей современной характерологии языка [3].

Термин «лингвистическая характерология» (*lingvistická charakterologie*) В. Матезиус впервые употребил в работе [4]. Рассмотрению вопроса о научном статусе лингвистической характерологии В. Матезиус посвятил специальные статьи — [5] и [6]. Методологическое обоснование лингвистической характерологии проводилось В. Матезиусом в двух планах — историко-научном и теоретическом. Рассмотрим каждый из этих планов в отдельности.

Зарождению характерологического подхода к изучению языка способствовало утверждение национальных языков Западной Европы в качестве литературных. Во «Всеобщей и рациональной грамматике» А. Арно и К. Лансло проводится регулярное сравнение латыни с «вульгарными» языками. Так, сопоставляя латинский язык с французским, А. Арно и К. Лансло указывали на различные формы выражения вокатива в этих языках [7]. Подобные сравнения стали обычными в «философских» грамматиках XVIII в. Дж. Хэррис, например, указывал в «Гермесе», что в современном английском языке, в отличие от латинского, нет грамматического рода, поэтому английский язык обозначает различия по полу самими словами (т. е. лексически) [8].

Подлинным вдохновителем и первым теоретиком лингвистической характерологии стал В. Гумбольдт. Он не употреблял термина «лингвистическая характерология», но говорил о «характере языка», под которым он понимал своеобразие «способов соединения мыслей со звуками» [9, с. 167]: «И вот в соответствии с индивидуальной неповторимостью того способа, каким дух выражает себя через язык, — писал В. Гумбольдт, — последний получает окраску и характер» [9, с. 162]. Источник языкового своеобразие В. Гумбольдт видел в особом отношении говорящих к описываемой действительности и в соответствующем акте речи, связанном с этим отношением: «...слово — не эквивалент чувственно-воспринимаемого предмета, а эквивалент того, как он был осмыслен речетворческим актом в конкретный момент изобретения слова. Именно здесь — главный источник многообразия выражений для одного и того же предмета» [9, с. 103].

Учение В. Гумбольдта о характере языка было унаследовано Г. Штейнталем, Ф. Мистели и Ф. Финком: отдельные языки охарактеризовывались ими не сами по себе, а как представители тех или иных типов. В работах этих ученых [10—12], таким образом, представлена характерология языковых типов, а не характерология отдельных языков. Надо, вместе с тем, учитывать подвижность границы между этими областями. Описывая какой-либо язык в качестве наиболее репрезентативного пред-

ставителя определенного типа, исследователь может перейти в область его конкретно-характерологического описания: трудно установить, какие особенности данного языка обусловлены его принадлежностью к тому или иному типу, а какие из них не связаны с типологически релевантными признаками исследуемого языка. В результате оказывается, что в рамках характерологии языкового типа обнаруживаются элементы конкретной характерологии. Вот почему В. Матезиус видел в гумбольдтианцах предшественников конкретной характерологии: «К проблемам лингвистической характерологии, — писал В. Матезиус, — в истории лингвистической деятельности было представлено несколько подходов. Один из них, ...который идет от Вильгельма фон Гумбольдта через Штейнталья и Мистели к Финку, был собственно лингвистическим...» [6, с. 60].

К оценке гумбольдтианского направления в истории характерологии В. Матезиус подходил конкретно-исторически, т. е. исходя из той ситуации, которая сложилась в лингвистической науке его времени. Он считал, что дедуктивный путь исследования, по которому шли представители данного направления (движение от общей типологии языков к конкретной характерологии через описание отдельных языковых типов), является преждевременным. Дело в том, что имеющиеся классификации языков опираются не на систематическое их изучение, а на ограниченное число изолированных языковых фактов. Общей типологии языков, по мнению В. Матезиуса, должна предшествовать долгая и кропотливая работа по характерологическому описанию отдельных языков [6, с. 59].

К общей типологии языков В. Матезиус шел по индуктивному пути: от характерологических описаний отдельных языков к их типам. Значение характерологии он видел в том, что она позволяет представить наиболее типичные черты отдельных языков в виде системы, тем самым давая общей типологии языков полноценный материал. В. Матезиус считал, что в лингвистической типологии сложилась такая ситуация, в которой необходимо временно отказаться от широкомасштабного исследования и обратиться к изучению отдельных языков. С этой точки зрения В. Матезиус подходил к общей оценке гумбольдтианского направления в истории лингвистической характерологии. «Его представители, — писал он, — не сумели разработать тщательного и эффективного метода исследования, поскольку в своих исследованиях они стремились охватить слишком много языков» [6, с. 60].

Наряду с гумбольдтианским направлением в истории лингвистической характерологии В. Матезиус выделял также «стилистическое» направление. «Другое направление, — писал он, — является по своему характеру во многом более практическим, чем первое... Представители этого направления намного больше занимаются конкретными фактами, нежели теоретическими рассуждениями, ограничиваясь в своей работе одним или максимум двумя языками» [5, с. 11—12]. К представителям стилистического направления в истории лингвистической характерологии В. Матезиус относил прежде всего двух ученых — Фрица Штрмайера и Филиппа Аронштейна.

Несмотря на то, что в работе Ф. Штрмайера «Стиль французского языка» [13] задачи стилистики понимаются чрезвычайно широко, основной упор в ней делается на особенности художественного выражения. Работа Ф. Аронштейна «Английская стилистика» [14], напротив, распространяет понятие стиля на язык в целом; характерные особенности языка при этом называются «стилистическими». Совокупность таких особенностей, по мнению автора, и составляет то, что В. Гумбольдт называл «внутренней формой языка». В гумбольдтианском духе Ф. Аронштейн определял и задачи стилистики: «Стилистика в этом смысле (т. е. в смысле изучения стиля языка. — Д. В.), — писал он, — рассматривает, таким образом, язык как орган и выражение духовной организации народа. Ее высший идеал состоит в том, чтобы описать язык со стороны его сущности, его своеобразия, его характера, а с другой стороны, в том, чтобы объяснить этот характер через явления языка [14, с. 4]. Ф. Аронштейн, таким образом, ставил перед стилистикой две главные задачи — выявить национальное

своеобразие данного языка и объяснить его. Каким образом он решал эти задачи в своей работе?

Выявление характерных особенностей английской грамматики проводилось Ф. Аронштейном в ономаσιологическом направлении. Отправляясь от некоторого содержания, Ф. Аронштейн приходил к сопоставлению языковых средств выражения данного содержания в английском и немецком языках. Так, чувство вины и сожаления о случившемся выражается в английском языке «субъективной» конструкцией *I am sorry*, тогда как в немецком — «объективной» — *Es tut mir leid*. Главный недостаток описательной части работы Ф. Аронштейна состоял в отсутствии системного подхода к характерологическому изучению языка: те или иные особенности английской грамматики рассматривались независимо друг от друга. Говоря словами В. Матезиуса, основной минус объяснительной части работы Ф. Аронштейна состоял «в стремлении привести характерные черты языков в прямое и упрощенное отношение с духом наций, которые говорят на них» [6, с. 69]. Так, английское предложение *It is raining* «Идет дождь» Ф. Аронштейн противопоставлял немецкому *Es regnet*. Структурное различие между ними объясняется следующим образом: для психологического склада англичан характерно стремление к разъединению представлений, тогда как немцам свойственно стремление к их объединению [14, с. 7]. Предостерегая лингвистов от чрезмерной психологизации своей науки, В. Матезиус настаивал на том, что языкознание должно иметь «и свои особые, лингвистические, проблемы, и свои особые, лингвистические, термины, и свои особые, лингвистические, методы» [15, с. 15].

Учитывая сильные и слабые стороны гумбольдтианского и стилистического направлений в истории характерологии, В. Матезиус предпринял попытку построения собственной теории. Свою задачу В. Матезиус видел прежде всего в том, чтобы утвердить относительно самостоятельный статус характерологии среди других лингвистических дисциплин, поскольку гумбольдтианцы растворяли ее в общей типологии языков, а представители стилистического направления расценивали ее как раздел стилистики. Наиболее актуальным для своего времени В. Матезиус считал вопрос об отграничении характерологии от стилистики. Неслучайно поэтому свою первую теоретическую работу по характерологии В. Матезиус назвал «Стилистика и лингвистическая характерология». В этой статье он выразил, в частности, сомнения в стилистическом статусе «Французской стилистики» Ш. Балли [16].

«Грамматика, — писал Ш. Балли, — изучает логический аспект мысли, а стилистика — аффективный» [16, с. 296]. Исследование аффективных (или эмоциональных) средств французского языка проводилось Ш. Балли с помощью «идентифицирующего» метода. Этот метод является в своей основе ономаσιологическим, поскольку он предполагает движение исследования от некоторого содержания к формам его языкового выражения. В сферу этих форм у Ш. Балли попадали не только аффективные, но и логические средства языка. Граница между «грамматикой» и «стилистикой», таким образом, стиралась.

Отграничение внутренней лингвистики (а следовательно, и характерологии) от стилистики производилось В. Матезиусом иначе. Он видел разницу между ними в степени абстракции этих дисциплин от языкового материала. «По моему мнению, — писал В. Матезиус, — раздел между этими отраслями заключен не в разном материале, а в разных целях анализа... При изучении языка индивидуальные высказывания изучаются как образцы языковых возможностей некоторой общности, тогда как при изучении стиля стремятся установить, как эти возможности реализуются в данной общности...» [15, с. 11].

Выделение характерологии в особую дисциплину в рамках внутренней лингвистики выводилось В. Матезиусом из специфики задач характерологии: «Если это задача описательной грамматики, — представить полный инвентарь всех формальных и функциональных элементов, существующих в данном языке на данной ступени его развития, писал В. Матезиус, — то лингвистическая характерология имеет дело только с важными

и фундаментальными чертами языка в данный период времени, анализирует их на базе общей лингвистики и пытается установить отношения между ними» [6, с. 59]. В. Матезиус считал, что решение задач, стоящих перед характерологией, зависит от успешного использования в ней метода аналитического сравнения (в современной терминологии — контрастивного анализа), а также «функционального» (т. е. ономаσιологического), синхронического и системного подходов.

В. Скаличка в книге «Тип чешского языка» сделал попытку характерологического описания чешской грамматики на фоне ее отличий от других языков, выделив из них те, которые он считал наиболее репрезентативными для основных языковых типов (изолирующего, агглютинативного, флективного, интрафлективного и полисинтетического). Характерологию чешского языка он называл типологией этого языка. Он писал: «Если мы посмотрим в этом смысле на положение чешского языка между остальными языками, то увидим типологию чешского языка, или, более кратко, **тип чешского языка**» [17]. Попытку В. Скалички представить характерологическое описание чешской грамматики, выполненную таким образом, приходится признать в целом неудачной: несмотря на то, что он указывает на множество специфических особенностей чешской грамматики в первой части своей книги, где рассматриваются основные типы языков, во второй части этой книги мы находим по существу обычный очерк грамматики современного чешского языка. Такой результат исследования В. Скалички объясняется именно тем, что он исходил в принципе из широкого охвата языков.

В сопоставлении данного языка с другими языками В. Матезиус видел лишь вспомогательное средство для обнаружения фундаментальных особенностей изучаемого языка. В своей исследовательской практике он показал, что для обнаружения таких особенностей нет необходимости обращаться к противопоставлению данного языка всем остальным языкам, поскольку привлечение и ограниченного числа языков дает возможность выявить важнейшие черты исследуемого языка. Такая позиция В. Матезиуса объясняется тем, что контрастивный анализ служил для него только отправным пунктом для системного исследования характерных особенностей данного языка. Системный подход позволял В. Матезиусу переходить от одной особенности языка, предварительно выявленной с помощью контрастивного анализа, к другим его особенностям, обнаруживаемым уже на основе внутрисистемных отношений и интерпретируемым им как причинно-следственные.

Важнейшую черту характерологической концепции В. Матезиуса составляет ее ономаσιологическая направленность: «Аналитическое сравнение, — писал он, — можно эффективно производить только с функциональной точки зрения, т. е. исходя из общих потребностей выражения и выясняя способ, при помощи которого отдельные языки, каждый по своему, удовлетворяют эти общие потребности» [18, с. 196]. «Чтобы успешнее использовать методы аналитического сравнения, — объясняет В. Матезиус, — необходимо анализировать отдельные языки лишь с функциональной точки зрения, потому что только этот способ позволяет провести точное сравнение различных языков. Общие потребности выражения и коммуникации, свойственные всему человечеству, являются единственным общим знаменателем, к которому можно свести выразительные и коммуникативные средства, различающиеся в каждом языке» [19]. Подобное объяснение перспективности использования ономаσιологического подхода в типологии мы находим у советского языковеда Г. А. Климова. «Наиболее широкие перспективы, — пишет он, — открывает направленность исследования от значения к форме в сфере типологических штудий, разносистемный эмпирический материал которых лишает языковеда возможности выбора сколько-нибудь стабильных формальных точек отсчета. Именно семантический фактор, т. е. совокупность некоторых семантических универсалий (понятийных категорий), позволяет в этом случае найти определенные основания для сопоставления формальных средств самых разных языков» [20]. Ономаσιологическое начало признается ведущим по от-

ношению к семасиологическому А. Л. Зеленецким и П. Ф. Монаховым: «В этой связи, — пишут они, — при характерологическом описании целесообразно исходить из содержания языковых единиц, выявляя в нем универсальные особенности человеческого мышления и прослеживая затем структурную организацию специфических языковых значений и пути их выражения в звуковой материи языка. Что касается характерологии плана выражения языков (т. е. семасиологической характерологии. — Д. В.), то ее роль должна быть в целом подчиненной» [21]. На этой точке зрения по существу стоял и В. Матезиус.

Семасиологический момент в характерологии В. Матезиуса подчинен ее ономасиологическим задачам. Он выступал для В. Матезиуса только в качестве предварительной точки опоры в процессе выявления содержательных (или, в терминологии М. Докулила, ономасиологических [22]) категорий, выражаемых в языке. Это позволило В. Матезиусу подходить к установлению данных категорий не непосредственно, а через язык. Однако основным в его характерологии признавался ономасиологический подход: содержательные категории, предварительно выявленные семасиологически, становились затем отправным пунктом для собственно ономасиологического исследования. В типологической концепции В. Скалички, напротив, ономасиологический момент подчинен семасиологическим задачам этой концепции.

Главная идея В. Скалички состояла в разработке основных «типологических конструкторов» [23], каждый из которых представляет собой теоретическую модель языкового типа в «чистом виде». Задача типологии, по В. Скаличке, состоит прежде всего в том, чтобы в отдельном языке обнаружить элементы каждого языкового типа и определить затем, элементы какого типа в данном языке преобладают. Типологическая доминанта того или иного языка выступает в нем как организующее начало, от которого зависят структурные особенности языка в целом. На характерологической стадии исследования необходимо описать отдельный язык в качестве представителя доминирующего в нем типа. Отдельный язык в этом случае исследуется на фоне других языков, однако в качестве фоновых выступают прежде всего те языки, типологическая доминанта которых не совпадает с типологической доминантой данного языка. Это позволяет исследователю сосредоточить внимание на языковых различиях. Такая концепция предполагает семасиологическую точку зрения, поскольку она направлена на изучение типологических особенностей уже готовых языковых систем, тогда как ономасиологическая точка зрения предполагает обращение к этим системам через речевую деятельность говорящих, пользующихся ими для удовлетворения своих коммуникативно-экспрессивных потребностей. «Скаличку занимает исключительно анализ грамматической системы, — писал В. Матезиус. — Его интересы целиком сосредоточены на системе... Для меня... основная проблема научного анализа языка заключалась в определении способа, посредством которого исследуемый язык отвечает двум основным потребностям выражения, то есть тому, как в языке реализуются языковая номинация и языковое соотношение, и лишь на основе этого я пытался исследовать совокупность средств выражения как систему» [18, с. 199].

Важную методологическую особенность характерологической теории В. Матезиуса составляет ее синхроническая направленность: «Для дальнейшего продвижения исследовательской работы в лингвистике, — писал В. Матезиус, — жизненно важно, чтобы тщательная разработка лингвистической характерологии осуществлялась на собственно синхронической основе» [6, с. 59]. В «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра В. Матезиус нашел опору собственным мыслям о необходимости разграничения синхронии и диахронии, впервые изложенным им в работе [24]: «Выдающийся швейцарский лингвист, — писал В. Матезиус о Ф. де Соссюре, — стал строго различать в языкознании диахроническую (динамическую) и синхронную (статическую) точки зрения, и эту идею в ее методическом отношении трудно переоценить, ибо... иными путями мы никогда не расположим факты изучаемого языка в одной плоскости» [25, с. 90—91].

Целостный взгляд на лингвистическое наследие В. Матезиуса, однако, показывает, что его взгляды на проблему соотношения синхронии и диахронии в языкознании существенно отличаются от соссюрровских. В отличие от Ф. де Соссюра, В. Матезиус стремился не только к их разграничению, но также и к их органическому сочетанию в рамках синхронического исследования.

Современный язык, взятый со стороны его наиболее типичных особенностей, рассматривался В. Матезиусом не только с синхронической, но одновременно и с диахронической точки зрения. Иначе говоря, в изучение современного языка В. Матезиус вводил диахронический момент. Каждая характерная особенность современного языка рассматривалась им не как раз и навсегда установленная черта этого языка, а как особая тенденция, которая в данный период языкового развития выступает в качестве господствующей, но которой в этот же период противостоит ослабленная тенденция. Так, к числу господствующих в современном английском языке В. Матезиус относил моносиллабическую и номинальную тенденции, тенденции выражать основу высказывания (тему) подлежащим и ставить в предложении подлежащее перед сказуемым, тенденции к «комплексной конденсации» предложения и другие [26]. Каждую из этих тенденций он исследовал на фоне противоположной ей ослабленной тенденции. В единстве господствующих тенденций, действующих в языке в определенный период его развития, В. Матезиус видел источник устойчивости его системы. В наличии ослабленных тенденций, напротив, он усматривал резерв будущих изменений языковой системы, поскольку некоторые из этих тенденций могут стать со временем господствующими в данном языке. Современный язык, таким образом, представлялся В. Матезиусу как система противоборствующих тенденций, одни из которых играют в этом языке ведущую роль, тогда как другие — подчиненную. Конечную цель характерологии В. Матезиус видел в установлении системных отношений между первыми из указанных тенденций, поскольку именно они составляют собственный предмет данной дисциплины.

Вопрос об использовании системного подхода при характерологическом описании языка решался В. Матезиусом в двух планах — деятельностно-речевом и системно-языковом. Практическое решение этого вопроса мы находим в итоговой монографии В. Матезиуса [26], изданной Й. Вахком спустя много лет после смерти ее автора. Эта книга представляет собой характерологическое описание грамматики современного английского языка, которое было выполнено ее автором на материале сопоставления грамматического строя английского языка главным образом с чешским и, в меньшей мере, с немецким, французским и некоторыми другими языками. Вместе с тем, книга Матезиуса является одновременно и ономаσιологической (о расширенном употреблении этого термина см. [27—29]) грамматикой. Она может быть названа, впрочем, также и «синхронической» или «систематической», поскольку наряду с характерологическим и ономаσιологическим подходами в ней представлены также синхронический и системный подходы. «Из всего этого очевидно, что мы обращаемся к исследованию современного английского языка, — писал В. Матезиус во введении к своей книге, — с точки зрения синхронической, метода аналитического (или характерологического. — Д. В.) сравнения и принимаем также функциональную (ономаσιологическую. — Д. В.) и системную точки зрения [26, с. 10].

В. Матезиус употреблял несколько терминов для обозначения своей грамматической концепции. Вначале он называл ее как «аналитической лингвистикой», так и «лингвистической характерологией», а затем (ср. [30]) — только «функциональной грамматикой». И это не случайно, поскольку ведущим принципом построения грамматического описания у В. Матезиуса выступает функционально-ономаσιологический принцип. При этом он считал, что функциональная грамматика должна основываться на анализе двух видов языковой деятельности — номинативной и синтаксической. «Один из этих актов (номинативный. — Д. В.), — поясняет В. Матезиус, — заключается в том, что из конкретной или абстрактной действительности

отбираются отрезки с той целью, чтобы, во-первых, именно на них сосредоточилось внимание будущего говорящего и, во-вторых, чтобы их удалось закрепить словарным составом языка, о котором идет речь. Второй акт (фразообразовательный. — *Д. В.*) состоит в том, что языковые знаки, обозначающие отобранные отрезки действительности, вступают во взаимодействие друг с другом, в результате чего образуется органическое целое, предложение» [19, с. 228].

Структура речевой деятельности говорящего в процессе создания предложения составляет основу грамматической системы В. Матезиуса: акт номинации лежит в основе ее первого раздела — «функциональной ономатологии», акт фразообразования составляет фундамент ее второго раздела — «функционального синтаксиса». Первый раздел грамматики В. Матезиуса в свою очередь состоит из лексической, словообразовательной и морфологической ономалогии. В основе лексической ономалогии лежит акт лексической номинации, заключающийся в использовании говорящим в процессе построения предложения уже готовых лексических единиц. В основе словообразовательной ономалогии лежит акт словообразовательной номинации, состоящий в создании новых слов. В основе морфологической ономалогии лежит акт морфологической номинации, заключающейся в грамматикализации тех лексических единиц, морфологические значения которых отражают объективные реалии (например, род, число и падеж у имен существительных). Функциональный синтаксис изучает прежде всего процесс дальнейшей грамматикализации лексем, морфологические значения которых не отражают объективных реалий (например, род, число и падеж у имен прилагательных). В предмет функционально-ономасиологического синтаксиса, далее, входит заключительная стадия создания предложения, связанная с установлением порядка слов в предложении, основным фактором которого В. Матезиус считал актуальное членение предложения (АЧП). Теория АЧП, таким образом, составляет только один из фрагментов грамматической системы В. Матезиуса.

К систематизации языкового материала В. Матезиус подходил сквозь призму обобщенного представления о процессе создания предложения говорящим. Конечную цель лингвистического анализа он видел в установлении причинно-следственных отношений между характерными особенностями данного языка: «Лингвистический анализ, основанный на этих принципах (синхроническом, характерологическом, ономасиологическом и системном. — *Д. В.*), должен быть в конечном итоге направлен на установление причинных связей между существующими явлениями данного языка», — указывал В. Матезиус [19]. Причинные отношения в языковой системе В. Матезиус называл также «синхроническими зависимостями»: «Природа грамматического субъекта в современном английском языке, — писал В. Матезиус, — дает хорошую возможность для показа важности синхронических зависимостей для лингвистического анализа. Так, обсуждаемая тенденция современного английского языка переводить выражение актуальной темы (или основы. — *Д. В.*) высказывания в грамматический субъект не стоит одиноко» [6, с. 62]. И далее он показывает, что с указанной особенностью оказываются связанными причинными отношениями и другие особенности английского языка (обилие пассивных конструкций, активное употребление личных конструкций, стабилизация «объективного» порядка слов в предложении и др.).

Установление причинных отношений в языковой системе служило для В. Матезиуса средством выявления «системной ценности» тех или иных особенностей языка, а следовательно, средством перархизации этих отношений: «Отличительной чертой лингвистической характерологии, — указывал В. Матезиус, — является введение в лингвистический анализ концепции ценности и диахронических зависимостей» [6, с. 59].

Проделанный анализ позволяет сделать вывод, что грамматика В. Матезиуса занимает особое место среди других грамматик ономасиологического типа [31—34]. Своеобразие грамматики Матезиуса состоит в том, что она является не только ономасиологической, но также и характерологи-

ческой. Это дает основания включить ее в состав частной типологии, поскольку выявление характерных особенностей языка проводилось В. Матезиусом на основе систематического сопоставления данного языка с другими языками. Ориентация его характерологии на изучение одного языка отличает ее от тех сопоставительных грамматик, в центре внимания которых находится два или несколько языков. Среди монологических грамматик характерологического типа грамматику В. Матезиуса отличает комплекс ее основных методологических установок, которые были проанализированы выше.

Самостоятельный статус характерологии Матезиуса не отменяет, а напротив, предполагает ее связи с другими лингвистическими дисциплинами. Особенно тесными являются, как мы видели, ее связи с общей лингвистикой и обычной описательной грамматикой, от которой она отличается ориентацией на установление только фундаментальных особенностей анализируемого языка. Кроме того, характерология Матезиуса соотносится с общей типологией языков. Значение характерологии, как это понимал В. Матезиус, для последней из указанных дисциплин состоит в том, что она направлена в конечном счете на построение иерархических систем наиболее типичных особенностей отдельных языков. Позиция В. Матезиуса в этом вопросе по существу совпадала с позицией И. И. Мещанинова, который писал: «Сличению цельных комплексов разных языковых систем предшествует изучение каждой в отдельности. Сопоставление же обособленно взятых элементов из разных систем не может проводиться без детального ознакомления с тем положением, которое занимают эти элементы во всем связанном с ними комплексе» [35].

ЛИТЕРАТУРА

1. Рождественский Ю. В. Типология слова. М., 1969, с. 43.
2. Буранов Дж. Сравнительная типология английского и тюркских языков. М., 1983, с. 58.
3. Vachek J. Vilém Mathesius. — In: *Mathesius V. Jazyk, kultura a slovesnost*. Praha, 1982, s. 457.
4. *Mathesius V. O jazykové správnosti*. — In: *Mathesius V. Jazyk, kultura a slovesnost*. Praha, 1982, s. 60—64.
5. *Mathesius V. Stilistika a lingvistická charakteristika*. — In: *Mathesius V. Čeština a obecný jazykozpyt*. Praha, 1947, s. 10—16.
6. *Mathesius V. On linguistic characterology with illustrations from modern English*. — In: *Vachek J. A Prague school reader in linguistics*. Bloomington, 1964.
7. Lancelot C., Arnauld A. *Grammaire générale et raisonnée*. Paris, 1754, p. 75.
8. Harris J. *Hermes: or, a philosophical inquiry concerning language and universal grammar*. London, 1751, p. 43.
9. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
10. Steintal H. *Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues*. Berlin, 1860.
11. Misteli F. *Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues*. Berlin, 1893.
12. Finck F. N. *Die Haupttypen des Sprachbaues*. Leipzig, 1910.
13. Strohmeier F. *Der Stil der französischen Sprache*. Berlin, 1910.
14. Aronstein Ph. *Englische Stilistik*. Leipzig—Berlin, 1924.
15. *Mathesius V. Nové proudy a směry v jazykovědném badání*. — In: *Z klasického období Pražské školy 1925—1945*. Česk. akad. věd. Prameny české a slovenské lingvistiky. Rada česká, sv. 2. Praha, 1972.
16. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
17. Skalička V. *Typ češtiny*. Praha, 1951, s. 13.
18. Матезиус В. Попытка создания теории структурной грамматики. — В кн.: *Пражский лингвистический кружок*. М., 1967.
19. Матезиус В. О системном грамматическом анализе. — В кн.: *Пражский лингвистический кружок*. М., 1967.
20. Климов Г. А. Принципы континентальной типологии. М., 1983, с. 14—15.
21. Зеленецкий А. Л., Монахов П. Ф. Сравнительная типология немецкого и русского языков. М., 1983, с. 17—18.
22. Dokulil M. *Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov*. Praha, 1962.
23. Skalička V. *Ein «typologisches Konstrukt»*. — *Travaux linguistiques de Prague*, 1966, 2.
24. Матезиус В. О потенциальности языковых явлений. — В кн.: *Пражский лингвистический кружок*. М., 1967, с. 42—69.
25. Матезиус В. Куда мы пришли в языкознании. — В кн.: *Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях*. Ч. 2. М., 1960, с. 90—91.

26. *Mathesius V.* Obsahový rozbor současné angličtiny na základě obecně lingvistickém. Praha, 1961.
27. *Filipec J.* Ceska synonyma z hlediska stilistiky a lexikologie. Praha, 1961, s. 172.
28. *Кубрякова Е. С.* Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978, с. 13.
29. *Pottier B.* Linguistique générale. Paris, 1974, p. 323.
30. *Mathesius V.* Nekolik slov o podstate věty.— In: *Mathesius V.* Cestina a obecný jazykozpyt. Praha, 1947.
31. *Brunot F.* La pensée et la langue. Paris, 1922.
32. *Jespersen O.* Essentials of English grammar. London, 1933.
33. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume (1948—1949). Paris—Québec, 1971—1973.
34. *Tesnière L.* Éléments de syntaxe structurale. Paris, 1965.
35. *Мещанинов И. И.* Номинативное и эргативное предложения. Типологическое сопоставление структур. М., 1984, с. 5.